

С благодарностью Юрию Бобкову за идею и Елизавете Ганопольской за бесценные советы.

*Пожалуй, я бы мог вполне нехило
Переводить Софокла и Эхила.
Но с этим я пока что погожусь –
Я жизнь свою в слова перевожусь.*

А. Слаповский. Из ненаписанного

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТРОСТИНКИН Виктор Павлович, 41 год, подполковник полиции, начальник городского УВД.

АЛЬБИНА, 46 лет, его жена.

СВЕТЛАНА, 20 лет, его дочь.

ТЕРЕЩИК Женя, около 30 лет, капитан полиции, жених Альбины.

МАЙЯ, лейтенант полиции, 28 лет.

САНДРА, вдова бывшего начальника УВД Куприянова, 35 лет, выглядит моложе.

БАБА ВЕРА, она же Вера Максимовна Ледяных, 75 лет, пророчица.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ.

А также НЕКТО, ДВЕ ПОЛУГОЛЫЕ ДЕВУШКИ и ЛЮДИ, ХОРОНЯЩИЕ ТРОСТИНКИНА, ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

1 ДЕЙСТВИЕ

1.

Две девушки, полуобнаженные, но с полицейскими погонами на плечах и с пистолетами на чреслах, ведут Тростинкина к возвышению. Он встаёт на него. Торжественная музыка. Появляется Некто с банным венком и автоматом Калашникова. Тростинкин соскакивает с возвышения, опускается на одно колено и склоняет голову.

НЕКТО: Указ номер один! Сего числа Министром внутренних, тойсть самых важных, дел

Тростинкин Виктор Павлович назначен,

С сопутствующим должности окладом

И присвоеньем звания генерала!

Аплодисменты. Некто опускает на голову Тростинкина венок. Издали он напоминает лавровый венок.

ДЕВУШКИ: Клянусь я – до последней капли крови!

ТРОСТИНКИН: Клянусь я – до последней капли крови!

ДЕВУШКИ: На страже быть державных интересов!

ТРОСТИНКИН: На страже быть державных интересов!

ДЕВУШКИ: А если я нарушу эту клятву!

ТРОСТИНКИН: А если я нарушу эту клятву!

ДЕВУШКИ: Не будет мне прощения. Аминь!

ТРОСТИНКИН: Не будет мне прощения. Аминь!

Некто взмахивает руками, как дирижёр. Торжественно звучит «Мурка» – будто гимн. Все выпрямляются, руки по швам. «Мурка» отзвучала. Тростинкин поднимается на возвышение.

НЕКТО:

Указом номер два, во исполнение Народа чаяний о наведении порядка Везде, включая органы охраны Порядка, нами срочно решено Министра МВД без промедленья Уволить и на месте расстрелять!

ТРОСТИНКИН: За что?

НЕКТО: Уже за то, что ты министр!

Расстреливает Тростинкина из автомата. Девушки выхватывают пистолеты и тоже открывают огонь. Тростинкин падает.

НЕКТО:

Тростинкин Виктор Павлович погиб, Как говорится, на посту. За это Присвоить ему звание героя Российской Федерации! Посмертно.

Выбегают люди, выкатывают пушку, кладут Тростинкина на лафет. Под торжественную похоронную музыку все удаляются. (Вариант: вместо лафета катафалк, носилки с балдахинном. Всё равно что, лишь бы торжественно.)

Проснувшийся Тростинкин задумчиво появляется на сцене, потирая голову. Идёт в кухню, включает кофейный автомат. Наливает в чашку кофе. Берёт пульт, включает телевизор. Появляется Альбина. Тоже наливает кофе.

ТРОСТИНКИН (выключает телевизор): Не разбудил?

АЛЬБИНА (наливает кофе): Да нет, давно не сплю.

ТРОСТИНКИН:

Дурацкий сон приснился – что меня Назначили министром МВД И расстреляли тут же. А ещё Какой-то веник... Ну, министром ладно, Понятно как-то.

А при чём тут веник?

АЛЬБИНА: Веник, пол подметать или банный?

ТРОСТИНКИН: Да банный будто. Вроде бы дубовый.

АЛЬБИНА (смотрит в телефоне): Веник... Веник банный... Означает хорошее предложение, продвижение по службе. Всё совпадает, ты теперь главный мент на районе. Вчера хорошо отметили?

ТРОСТИНКИН:

Прилично посидели. Куприянов Напился только. Ясен пень, вчера же Он был начальник, а теперь никто. Сон в руку, значит. А к чему расстрел? Нет, в детстве тоже снилось иногда, Но там фашисты были. Ставят к стенке И автоматами как полоснут! Я прямо Реально чувствовал, что пули вот сюда вот (*Показывает на грудь.*) Впиваются.

Но ничего, не больно.

Приятно даже, типа я герой!

АЛЬБИНА: Расстрел (смотрит в телефоне) – к чему-то плохому.

ТРОСТИНКИН:

Веник – к добру, расстрел к плохому.

Значит, Выходит плюс на минус.

То есть ноль.

АЛЬБИНА: Два по математике тебе. Плюс на минус – минус.

ТРОСТИНКИН:

Умешь ты, Альбиночка, ободрить!

Нет, странный сон. К тому ж ещё –

В стихах.

АЛЬБИНА: То есть?

ТРОСТИНКИН:

Ну, все стихами будто говорили,

Как типа Пушкин, только что

не в рифму,

Но гладко, будто кто-то сочинил.

АЛЬБИНА: Вот ты почему так говоришь! Ото сна не отошёл?

ТРОСТИНКИН: Как говорю?

АЛЬБИНА: Стихами. Сам не слышишь?

ТРОСТИНКИН:

Где же стихами? Говорю нормально,

Как все! Нашла поэта тоже!

В детдоме, ты сама ведь помнишь, я

Не мог ни строчки наизусть запомнить!

АЛЬБИНА: Именно, стихами. Белый стих это называется. Без рифмы, но ритмический.

ТРОСТИНКИН:

Приехали! Какой-то белый стих!

Всё, брошу службу и начну писать!

Как там у Пушкина того же? Типа это...

Мороз и солнце, что ещё там дальше?

АЛЬБИНА? Ты решил надо мной подшутить? Странная шутка для тебя.

Нехарактерная.

ТРОСТИНКИН:

Сама ты шутишь, я смотрю. Обидно!

Другая бы жена, когда бы мужа

Повысили, она б ему поддержку

Морально оказала. Ты же даже

На отмечанье не пошла. Все были

Там с женами, а я, блин, как дурак,

Как холостой.

АЛЬБИНА: Ну да, жена-старуха

Намного лучше. Что за ерунда!

Похоже, заразил меня ты, Витя,

своей игрой.

ТРОСТИНКИН: Какой ещё игрой?

АЛЬБИНА (подставляет телефон): Вот. Поговори, а потом послушай.

ТРОСТИНКИН:

Ещё чего! Я, что ли, на допросе?

Или на этом, как его, ну, типа

Детектор лжи! Ещё мне не хватало,

Чтобы меня жена, блин, проверяла!

Похмельную не будоражь мне кровь,

А лучше завтрак быстро приготовь,

Чтоб вспомнил я с похмелья и со сна,

Что у меня имеется жена!

Умолкает ошарашенный. Альбина включает режим прослушивания. Громкое повторение только что сказанного.

ТРОСТИНКИН:

Похоже, я маленько перебрал...

Тьфу, чёрт, прилипло!

Что мне с этим делать?

АЛЬБИНА: А надо что-то делать?

Лично мне – нравится. Так забавно, так необычно. Хотя, думаю, пройдёт.

ТРОСТИНКИН:

И я так думаю. Опять! Да что ж такое!

Хочу сказать обычно – не выходит!

Вот, блин, зараза! Может, что-то

выпить?

АЛЬБИНА: Ты вчера достаточно выпил.

ТРОСТИНКИН:

Была б со мной, не стал бы так...

Вот гадость!

Как я работать буду с этой дурью?

Тростинкин, скажут, только занял место,

Выпендриваться начал, блин, стихами

Со всеми говорит! ... А если матом?

Стихов же матом не бывает, Аля?

АЛЬБИНА: Бывает, Витя. Сейчас всё бывает.

ТРОСТИНКИН.

Попробую. Но только про себя.

Ты ж знаешь, вслух я не люблю ругаться.

Пробует – шевелит губами.

Всё та же хрень! И матом даже глаже,

Ещё складней выходит! Вот дела!

Когда бы тут сестра твоя была –

Она ж врачиха. Может, звякнешь, спросишь,

Как это прекратить?

АЛЬБИНА: А сам не можешь?

Тростинкин смотрит на неё укоризненно. Альбина с неохотой идёт к телефону. Но он в это время звонит сам. Альбина снимает трубку.

АЛЬБИНА: Да? (Тростинкину) Тебя.

ТРОСТИНКИН: Скажи, что в душе я. Спроси, что надо.

АЛЬБИНА: Он в душе, позвоните позже. (Слушает.) Господи, ужас какой... Да, конечно, передам. (Кладёт трубку.) Витя, у тебя неприятность. То есть у вас... То есть... В общем... Куприянов застрелился.

ТРОСТИНКИН:

Вот это ни фига... Не может быть!

Ведь сам его отвёз домой я ночью,

Зашёл на полчаса, на посошок

Немного выпил и уехал. Что ты

Так смотришь на меня?

АЛЬБИНА: Да нет, я просто... Всё сошлось в одном. И твоё назначение. И сон этот твой... И что ты стихами... И вот – Куприянов...

ТРОСТИНКИН (начинает поспешно одеваться):

Сошлось – и что? Так в жизни всё устроено –

То пусто, а потом, глядишь, утроено!

То сплошь помойка, то кругом цветы!

Альбина пристально смотрит на него.

АЛЬБИНА: Скажи мне, Витя, это ведь – не ты?

ТРОСТИНКИН:

Чего? Ты допускаешь, чтобы я...

Отвечу коротко, родная: А зачем?

Мотив? Причина? Иль я дурень, чтоб

Топить того, кто сам уже утоп?

Уходит. Возвращается.

ТРОСТИНКИН:

И вот что, нынче Света приезжает,

Так ты хоть для неё себя в порядок

Немного приведи.

АЛЬБИНА: А что не так?

ТРОСТИНКИН:

Да всё! Как ты экзамены приняла,

Так и засела дома, и молчишь,

Чего-то думаешь себе там в голове

И мрачная всё время. Прямо скажем,

Ведёшь себя нецелесообразно.

АЛЬБИНА: Ничего страшного, лёгкая депрессия. Год в школе тяжёлый был. И предчувствия какие-то... Сама не понимала, почему. Теперь понимаю.

ТРОСТИНКИН:

Что понимаешь? Вот не надо, Аля!

Кто хочет, видит свет в любом подвале!

Других своей депрессией морочь,

Но не волнуй хотя б родную дочь!

Уходит.

3.

В кабинете Тростинкина Майя поливает цветы из лейки. Входит Женя Терещик.

ТЕРЕЩИК. Поливаем?

МАЙЯ. Я везде поливаю.

ТЕРЕЩИК. Я просто спросил.

МАЙЯ. А я просто ответила.

ТЕРЕЩИК. Новость слышала? Куприянов застрелился. Ночью. Обмывали назначение нашего Палыча, Куприянов нарезался с горя, Палыч его домой отвёз, а он там – ку-ку. Прицельный выстрел себе в башку. (После паузы.) Тебе надо в разведку завербоваться. Поймают, пытать будут, а ты ничего не выдашь. Сейчас вот – ноль реакции.

МАЙЯ: Должна быть реакция?

ТЕРЕЩИК: Только не надо говорить, что тебе всё равно! Ведь на Палыча валить будут! Скажут – из-за него!

МАЙЯ: Не он Куприянова на пенсию отправил.

ТЕРЕЩИК: Да ладно, Маечка, все всё понимают! Съел Палыч Василича!

МАЙЯ: Я не Маечка, товарищ капитан.

ТЕРЕЩИК: Извиняюсь, товарищ лейтенант. Я к чему говорю. По информации пристрелил себя Куприянов где-то в два ночи. Так вот, если по-умному, то лучше, если бы Палыч в это время был у тебя. Может, он и был? Проводил Куприянова и тут же к тебе, а?

МАЙЯ: Хотите сказать, Виктор Павлович может приехать ко мне в два часа ночи?

ТЕРЕЩИК: Майя, слушай, давай открыто! Палыч тебе не чужой человек, мне тоже. Я за него волнуюсь. И действовать надо – во избежание и в упреждение. Если даже и не был, то лучше, чтобы был! Алиби это называется.

МАЙЯ: Зачем Виктору Павловичу алиби? Думаешь, он мог это сделать?

ТЕРЕЩИК: Мог, не мог, не об этом сейчас, а чтобы лишней пыли не было!

МАЙЯ: Значит, мне надо сказать, что он был у меня? Признаться, что я его любовница?

ТЕРЕЩИК: А будто нет?

МАЙЯ: Это вы так думаете, товарищ капитан.

ТЕРЕЩИК: Весь город так думает, товарищ лейтенант!

Майя идёт к двери. Входит Тростинкин.

МАЙЯ (суховато): Доброе утро.

ТРОСТИНКИН (смотрит на неё, на Терещика): О чём тут толковали без меня?

МАЙЯ: Капитан Терещик считает, что ночью в два часа вы ко мне приезжали. В гости как бы. И просит это подтвердить. А я – сомневаюсь.

Она выходит. Тростинкин идёт к столу, садится.

ТРОСТИНКИН.

На кой вы чёрт, товарищ капитан, берётесь врать, где был я этой ночью?

Мне алиби не нужно, на меня

И так никто не будет думать. Ясно?

ТЕРЕЩИК: Товарищ подполковник, я же... Хотел, как лучше. Лебедев из следственного отдела там копался... Вопросы задавал... В том числе про вас.

Тростинкин встает, идёт к холодильнику, встроенному в шкаф, открывает, достаёт бутылку минералки с классической пробкой. Ищет открывалку. Терещик видит её на подоконнике, берёт бутылку из руки Тростинкина, аккуратно откупоривает бутылку, пробку кидает в ведро для бумаг, бутылку даёт Тростинкину. Тот жадно пьёт.

ТРОСТИНКИН:

А что, там разве есть причина думать,

Что кто-то мог другой?

ТЕРЕЩИК: Лебедев говорит, что теоретически возможно. Ну, вроде того, в руку вложить, нажать. Куприянов пьяный был, даже от мёртвого перегаром несло. Сам уже почти остыл, а коньяк-то в желудке не переварился.

ТРОСТИНКИН: И Лебедев меня имел в виду?

ТЕРЕЩИК: Жена Куприянова, Сандра, она проснулась, когда вы с ним приехали. Не заходила, но слышала. Его и вас. А потом выстрел.

ТРОСТИНКИН: Потом – не сразу! Разница доходит?

ТЕРЕЩИК: До меня-то да. И Лебедев тоже вряд ли на вас думает. Но вопросы задаёт. Работа такая.

Тростинкин набирает номер телефона.

ТРОСТИНКИН:

Владлен Борисович? Тростинкин.

Я чего –

Твой Лебедев не слишком прятко

скачет?

Что это значит? Знаешь сам, что значит!

Ко мне вопросы есть? Давай, отвечу!

С какого перепуга он моих Допрашивает подчинённых?! Ты Поставь его на место! А не то Поставлю сам! И этим делом тоже Я сам займусь. Хотя и так всё ясно – Типичный суицид на почве пьянки. *(Слушает.)*

Я помню без тебя, что дело ваше Формально! Но фактически – моё! Всё понял? Ну, давай. Привет супруге! *(Отключается.)*

ТЕРЕЩИК: Виктор Павлович, а вы... Вы почему так говорите?

ТРОСТИНКИН:

Как говорю? А, это... Ничего, Само пройдёт. Бывает – как икота, Особенно с похмелья – вдруг накатит, Потом отпустит. Что ещё по делу?

ТЕРЕЩИК: Да ничего. Главное, мотива понять не могу. Ну, вышел на пенсию, и что? Всё у человека есть, дом трёхэтажный, жена молодая относительно, машин полный гараж.

ТРОСТИНКИН:

Людей он грабил, Женя, не забыл? Реально грабил, вот откуда дом, машины, и жена, и денег куча! Он грабил, не стеснясь! Ты считаешь, Что это всё нормально?

ТЕРЕЩИК: Нет, конечно. Стесняться надо.

Тростинкин смотрит на него.

ТЕРЕЩИК: В смысле – грабить как-то легче.

ТРОСТИНКИН:

Светлана приезжает. Как ты с ней –

Поддерживаешь связь?

ТЕРЕЩИК: Конечно. Переписываемся постоянно, разговариваем. Мы ведь, сами знаете, с ней больше, чем дружили, мы... Честно признаюсь, я на Свете жениться хочу. Если согласится. Мне кажется, она не против.

ТРОСТИНКИН:

Того не легче! Мало мне одной

Беды, давай теперь ещё другую!

Чем ты ей нравишься, ума не приложу!

ТЕРЕЩИК: Не знаю... Сердцу не прикажешь.

ТРОСТИНКИН:

Ладно, приедет, я поговорю

С ней по душам и разберусь,

с чего вдруг

Она Москву на наш Карамызяк

Обратно поменять решила. Или

Тебя в столицу, что ли, хочет взять?

ТЕРЕЩИК: Не знаю. А я вас, значит, как муж вашей дочери не устраиваю?

ТРОСТИНКИН:

Ты, Женя, мутный человек. Загадка.

Семь лет со мной, а кто ты – не пойму.

Что у тебя вот тут?
(Прикладывает палец к виску.)

ТЕРЕЩИК: Мозги вообще-то.

ТРОСТИНКИН:

Запомни, если ты мою Светланку
Обидишь пальцем или даже словом,
Мозги твои я вышибу на раз!

И это не угроза, Женя, это

Я в плане профилактики. Усвоил?

ТЕРЕЩИК: Обижаете, Виктор Палыч!

ТРОСТИНКИН (допивает воду из
бутылки): Обидчив ты некстати. Дай ещё.

*Терещик достаёт из холодильника
бутылку, открывает, даёт Тростинкину.*

ТРОСТИНКИН: Ты видишь сны,
товарищ капитан?

ТЕРЕЩИК: А что?

ТРОСТИНКИН:

Вот, ё! Чего не спросишь, сразу – что?!

Да ничего! Ответить можно просто –

Да или нет?

ТЕРЕЩИК: Да, вижу иногда... В детстве
летал то и дело.

ТРОСТИНКИН:

Ну, в детстве все летают, а вот если
Вдруг снится президент – это к чему?

Владим Владимыч?
ТРОСТИНКИН:

Да если бы! И главное, что точно

Я понимаю – президент, но это

Не Путин. Незнакомое лицо.

ТРОСТИНКИН: Неправильные сны видите,
Виктор Палыч! И что он делал?

ТРОСТИНКИН:

Да ничего особенного. Ладно,

Иди пока. И позови там Майю.

ТЕРЕЩИК: Согласен, надо с ней...

ТРОСТИНКИН(обрывает):

Товарищ капитан, я твоего

Согласия не спрашивал! Зови –

И без догадок всяких! А по делу

Ни с кем не говори. Иди.

ТЕРЕЩИК: Всё понял!

*Он выходит. Через некоторое время
выходит Майя.*

Майя: Товарищ подполковник,
вызывали?

ТРОСТИНКИН: Ты меня дразнишь, что
ли?

Майя: Чем?

ТРОСТИНКИН: Не замечаешь?

Майя:

Я на работе только по работе

всё замечаю.

ТРОСТИНКИН:

Стой! Ведь ты сама

Стихами говоришь! И как давно?

Майя: Выдумываете, товарищ
подполковник, никакими стихами я не говорю.

ТРОСТИНКИН:

Ну, значит, только я пока один

Слегка сошёл с ума. И то на время.

Я вот что, Маечка. Товарищ капитан

Уже озвучил мысль. И я считаю,

Что мысль резонная. Поэтому давай

Договоримся, что в районе двух

Я у тебя завис. По службе. Без интима.

Майя: По службе у красивой женщины
в два часа ночи? Никто не поверит, Виктор. И
я не хочу врать.

ТРОСТИНКИН:

В чём тут враньё? Пускай не этой
ночью,

Но я же у тебя бывал и в два,

И в три часа, а то и до утра –

(Усмехается.)

Под видом розыскных мероприятий.

(Подходит, берёт за плечи.)

И много интересного нашёл.

Майя: Товарищ подполковник, я,
может, соглашусь, но вы знаете мою жизнь. Я
одна, зарплата небольшая, дочь воспитываю.
(Меня тон на нежный.) Витя, это как раз
хороший повод – давай жить вместе, а? Я тебе
ребёночка рожу.

ТРОСТИНКИН:

Послушай, Майя, я тебя люблю –

И даже больше, чем хочу, но вспомни,

Когда у нас всё началось, я сразу

Предупредил, что для меня семья –

Святое. От жены я не уйду

И дочь не брошу. Это однозначно!

Майя: Хорошо. Тогда ты у меня не был
ночью, Витя. Вас у меня не было ночью в два
часа, товарищ подполковник. Кстати, вот
интересно, семья – святое, но вы разве не
боитесь, что жена теперь узнает про меня? Или
она и так знала? Или для вас важнее алиби?
Не до семьи, лишь бы не подумали, что вы
Куприянова убили? Вить, а правда, не ты его?

ТРОСТИНКИН:

С ума сошла? Зачем мне эта смерть?

(Внушительно.)

Послушай, Маечка, не хочешь

по-плохому,

Так по-хорошему гораздо хуже выйдет!

Майя: Грозите мне, товарищ
подполковник?

Но у меня ведь тоже есть в запасе,

что рассказать про вас – и даже

не по службе, а в смысле ваших

кой-каких мужских особенностей.

Если все узнают – смеяться будут.

А теперь простите –

в приёмной посетители, и я их

должна принять. Без похвальбы скажу,

что городом и я руковожу!

*Злорадно уходит. Тростинкин пьёт
воду, остатки выливает себе на голову.
Идёт к сейфу, открывает его. Достаёт
пистолет. Подержав в руке, кладёт
обратно. Снимая китель, выходит в боковую
дверь. Возвращается в гражданском
костюме. Уходит.*

Сандра появляется на сцене, оглядывается.

САНДРА: Ты чего там, проходи! Выпьешь?

Входит Тростинкин.

ТРОСТИНКИН: Нет, не хочу. Тебе не надо тоже.

САНДРА: Кошмар какой-то, Витя. Полный ужас.

ТРОСТИНКИН:

Как это было? Я, когда его

Досюда проводил, потом мы с ним

Минут пятнадцать посидели, ты ведь

Спала, ведь да? Примерно полвторого?

САНДРА: Не помню. Тут этот был, следовательно, фамилия птичья... Курицын, Воронов... Лебедев, вот, да, Лебедев. Тоже спрашивал. Я сказала, как было, что выпила немного вина. Плюс снотворное. Проснулась, когда вас услышала, но опять заснула. Тут выстрел. Я подумала – снится. И сплю себе дальше. А потом вдруг меня как что-то толкнуло. Вскрываю – Сергея нет. А он же всегда со мной ложится. В том числе когда даже сильно пьяный. Мне не очень нравится... *(Всхлипывает.)* Не нравилось... Пошла в кабинет, а он там...

ТРОСТИНКИН:

Понятно. И во сколько это было?

САНДРА: Не помню, я же сказала! Виктор, а я ведь знаю, кто в его смерти виноват!

ТРОСТИНКИН: Да сам он виноват! На сто процентов!

САНДРА: Ты послушай! Он на той неделе к бабе Вере ездил со мной. Это целительница такая, на будущее гадает, на прошлое. Я сама лечилась у неё, очень помогла.

ТРОСТИНКИН: Лечилась – от чего? От алкоголя?

САНДРА: От тебя, Витя. Это давно было, ещё до того, как ты меня Куприянову подложил.

ТРОСТИНКИН: Я не подкладывал. Сама к нему полезла.

САНДРА: Не полезла бы, если бы с тобой были шансы! Ладно, чего теперь, ты слушай.

У этой бабы Веры свой метод, она тебе твоё прошлое рассказывает. Не во всё попадает, но близко к правде. Человек понимает, как он жил. Находит причину. А потом она будущее открывает. И ты знаешь, чего бояться. Я после неё полгода без таблеток жила. Теперь опять придётся. *(Берёт таблетку из упаковки, кидает в рот, запивает коньяком.)* Ну вот, и когда Сергея выперли со службы...

ТРОСТИНКИН: Не выперли его, а попросили!

САНДРА: Ну да, когда так просят – или в тюрьму, или в отставку... Что я тебе говорю, сам всё знаешь. Ты его и выпер, Витя.

Тростинкин собирается возразить.

САНДРА: Это сейчас неважно, ты дослушай! Он впал в ступор, я вижу – надо помочь. И к бабе Вере его. Сама не была там, но он мне рассказал. И я думаю, тебе эту бабу Веру надо засадить. Я недаром женой начальника УВД была, знаю, что это уголовное дело – доведение до самоубийства! Он от неё вышел, белый весь, как... *(Смотрит вокруг.)* Как потолок. И говорит, а сам смеётся, но смех жуткий такой, говорит: Сандра, прикинь, она мне смерть обещала! Я ему в шутку: Серёжа, все умрём! А он: нет, она мне в ближайшее время.

Ну, меня завело, конечно. Я к ней: баба Вер, ты чего? Ты в уме своём, такие вещи человеку говорить? А она – это не я, это судьба! Я говорю: знаешь что, судьба, я твою лавочку в один день захопну! И учти, если со зла порчу на меня наведёшь, тебе вообще не жить!

ТРОСТИНКИН: Гадает ведь не даром?

САНДРА. Нет, конечно!

ТРОСТИНКИН: А я о ней не слышал. Даже странно.

САНДРА: Маскируется! Ну и предупреждает, только своим про меня говорите. У неё ни объявлений, ничего, все друг через друга узнают. Я от сестры двоюродной, у неё сын был суицидник, два раза вешался, один раз резался, да ещё заика и сыпь какая-то по всему телу, ничего не помогало, она к ней, и что ты думаешь? Заикаться перестал – сразу же! Теперь болтает, как какой-нибудь Иван Ургант, бла-бла-бла, бла-бла-бла, будто карамельками плюётся. А через неделю и сыпь прошла! Вся! Сила у старухи есть, но силу же, Витя, можно в разные стороны применить! Вот она и применила не туда. Понимаешь? Она добила Сергея! Последняя капля! Ты начал, она закончила.

ТРОСТИНКИН:

Я начал? Сандра, если бы не я, Твой Куприянов парился на зоне, А не сидел бы в этом замке!

САНДРА: Витя! Он не в замке! Он в морге!

ТРОСТИНКИН:

Его проблемы! И ты тоже, Сандра, Участие имеешь! Для кого Он это всё построил? Для кого Машины, деньги? Прежнюю семью Притом не бросил, всем снабжал, что надо!

И надорвался! Так что о морали Вам, Александра Игоревна, лучше Не заикаться!

САНДРА: Я его просила?

Мне кажется, мы странно говорим. Что-то не так, а что не так – не въеду.

ТРОСТИНКИН:

Пить надо меньше. Да, ты не просила. Зачем просить, ты и без слов умеешь! Вильнула бёдрышком*(Показывает.)* – без перевода ясно:

Хочу машинку. Или так вот, опа!
(Показывает.)

Что означает? Домик трёхэтажный!

А если так

(Резко качнув бёдрами вперёд-назад) –

Мужик тогда вообще

Тебе отдать всё может! Что, неправда?

САНДРА: Чего же ты-то не отдал?!

Наоборот, отдал меня ему! Почему, Витя? У тебя жена же старая, некрасивая! Как тебя вообще угораздило на такой жениться? Вы где познакомились? Нет, правда, интересно, ты никогда не рассказывал.

ТРОСТИНКИН:

В детдоме познакомились. Она Педпрактику там проходила. Было Пятнадцать мне, ей двадцать.

Я влюбился,

Она смеётся: подрасти, малыш!

Я говорю: ничё, лет через пять

Моей ты будешь, зуб даю! И точно – Вернулся после армии, и к ней.

Она и так, и так, но я упорный.

САНДРА: Что есть, то есть. Уговорил?

ТРОСТИНКИН:

А то!

Со мной нельзя шутить запросто так.

Сначала секс, потом любовь и брак.

САНДРА: Красиво рассказываешь. Я даже возбуждаюсь. Давай трахнемся, Витя. Жизнь продолжается, чего уж теперь.

ТРОСТИНКИН:

Совсем сдурела? Не хочу быть грубым,

Но ты по факту рядом с мужним трупом

Заняться предлагаешь сексом мне,

Что выглядит паскуднее вдвойне!

САНДРА: Не надо орать, Витя, я ведь обижусь. Обижусь и скажу, что ты там был, когда я выстрел слышала.

ТРОСТИНКИН. Меня там не было! Я сразу же уехал!

САНДРА: А чем докажешь? Бойся меня, Витя, я коварная. *(Подумав.)* Да нет. Мелкая я сучка, если честно. Хочешь правду? Мне глубоко пофиг, что Серёжа застрелился. Я не чувствую ничего. *(Отпивает.)* Только вот это. И мне хорошо. Я только с тобой что-то чувствовала.

Вот почему? Ты же человек заурядный, туповатый, кругозор у тебя вот такой *(Показывает двумя пальцами щелочку.)* А вот клеилась... Поженились бы, дочь была бы от тебя. Я её, Олечку мою, тоже ведь не очень люблю. Потому что от Куприянова. И похожа на него. Скулы такие мужские, как у бульдозера... Ну это, спереди, скребок... Сейчас вот у мамы, отдыхает от меня. А то я её замучила, облизываю с утра до вечера, наряды

всякие, игрушки, тискаю её, целую с утра до вечера...

ТРОСТИНКИН: Не понял. Ты ж сказала, что не любишь.

САНДРА: Да. Но жалко же её, что у неё мама – гадина такая равнодушная. Компенсирую. Ребёнок не виноват. *(Отпивает.)* Витя, но бабу Веру засади. Она точно виновата.

ТРОСТИНКИН:

Не бойся, разберусь. Ещё не ясно, Спала ты, в самом деле или, может, Ждала, когда уйду, потом достала Из сейфа пистолет.

САНДРА:

Ты что, серьёзно?

Ты хочешь на меня свалить убийство?

ТРОСТИНКИН:

Как ты со мной, так я с тобой.

(Проникновенно.) Не фразами

По жизни мы с тобою, Сандра, связаны.

О друге я скорблю, а ты о муже.

А лишнее что скажем – будет хуже.

Всё поняла?

САНДРА:

Молчу. В душе прореха.

Но все же секс поминкам не помеха!

Затемнение.

5.

Альбина входит с ворохом постельного белья. Пихает в стиральную машину. Нажимает на кнопки. Смотрит в сторону, видит пыль. Достает пылесос, включает. Очень энергично пылесосит. Входит Светлана, смотрит на мать. Альбина выключает пылесос.

АЛЬБИНА: Что?

СВЕТЛАНА: Я приехала, мам. Я вернулась. Мы полгода не виделись.

АЛЬБИНА: С приездом, Светочка. А я вот... Стирка, уборка.

СВЕТЛАНА: С тобой всё в порядке?

АЛЬБИНА: Конечно.

СВЕТЛАНА: Спросила бы, как дела.

АЛЬБИНА. Как дела?

СВЕТЛАНА: Нормально. Временно прекратила учёбу. Поживу здесь, а потом... Видно будет.

АЛЬБИНА: Прекратила учёбу... Одно к одному, всё правильно. Уже знаешь про Куприянова? Бывшего начальника твоего отца?

СВЕТЛАНА: Вот мне дело до него. Да, знаю, мне написали. Ты что, даже не спросишь, почему я бросила учёбу?

АЛЬБИНА: Твоя жизнь – твой выбор.

СВЕТЛАНА: Ну да... Мой выбор. Мой выбор. А где мои вареники с вишней? Почему ты на вокзал не приехала, не встретила? И папа тоже. Только машину прислал.

АЛЬБИНА: Он занят. *(Включает пылесос, орудует им.)*

СВЕТЛАНА: Mam, что происходит вообще? Прекрати!

АЛЬБИНА *(выключает пылесос)*: Тебя что-то беспокоит?

СВЕТЛАНА: Ты меня беспокоишь! Выглядишь... Не очень хорошо. Я поняла, почему отец волнуется.

АЛЬБИНА: Он волнуется? Он тебя из-за этого вызвал?

СВЕТЛАНА: Нет, я сама... Но и это тоже. Тебе бы провериться надо.

АЛЬБИНА: У психиатра? Я нормальная, Светочка, не волнуйся. А плохо выгляжу – старею. И это хорошо. Хочу стать совсем старой. Чтобы мне было уже всё равно. Чтобы уже ничего не ждать и не хотеть. Я даже иногда думаю: может, нам война нужна? Или что-то такое... Метеорит в Землю воткнётся. Чтобы мы поняли, наконец.

СВЕТЛАНА: Что поняли?

АЛЬБИНА: В этом и проблема, Света! Я уже давно чувствую, что надо что-то важное понять, я уже близко, вот-вот – и пойму. Но что надо понять – не понимаю!

СВЕТЛАНА: Mam, ты...

АЛЬБИНА: Я вот историю преподаю, изучала её в университете, ученикам говорю: детки мои, в масштабе мирового времени всё, что было тысячу, две, четыре тысячи лет назад – это вчера. Троянская война, гибель Помпеи, только что всё это было. Евреи из Египта только что ушли, ещё пыль не улеглась.

Но, Светик, говорить-то я говорила, а сама поняла только теперь – что да, все эти великие события рядом с нами, но главное, у нас у самих – тоже великая жизнь! Величественная! Мы все как античные боги и герои! У нас вот тут, прямо вот здесь – и Троя, и Помпея, и Египет! Древний. Но мы этого не понимаем и ведём себя как тараканы, причем такие тараканы, которым будто ещё тысячу лет жить!

СВЕТЛАНА: Mam, не надо!

АЛЬБИНА: Светик, да что ты... Я только хочу, чтобы ты поняла мою мысль. Ты ведь умненькая, ты должна жить лучше, чем мы. Ты поняла, о чём я?

СВЕТЛАНА: Надо жить величественно.

АЛЬБИНА: Моя дочь! Да! Стирать – величественно! Пылесосить – величественно! Это наша троянская война, наш подвиг, наш героизм!

Она включает пылесос. Орудует им, уходит. Светлана идёт за ней, достаёт телефон.

СВЕТЛАНА: Пап, ты где?

6.

Комната бабы Веры. Она сидит перед телевизором, что-то смотрит без звука.

Постучав, входит Тростинкин. В гражданской одежде. Отвечает Светлане по телефону.

ТРОСТИНКИН:

Привет, мой свет! Прости, что я не встретил.

Кошмарно занят. И сейчас вот тоже Не время говорить. Перезвоню.

Целую! *(Бабе Вере.)* Здравствуйте! *(Громче.)* День добрый, баба Вера!

БАБА ВЕРА: Чего шумишь, слышу! Пришёл, так проходи.

Тростинкин проходит, садится в кресло. Баба Вера поворачивается, смотрит на него.

ТРОСТИНКИН:

Имею сразу несколько вопросов.

Во-первых, сами слышите, как я С утра сегодня говорю. Мне это И жить мешает, и работать. Как бы Нам эту дурь скорее прекратить?

БАБА ВЕРА: Не это тебя волнует, болезный. Давай не про то, что на сердце, давай про то, что в самом сердце!

ТРОСТИНКИН:

Догадливая! Ладно. У меня Имеется печаль ещё другая.

С женой моей, боюсь, не всё в порядке.

БАБА ВЕРА: Про жену ничего не скажу, пусть сама приходит. Это под сердцем у тебя, вижу. Недолёт был, перелёт был, давай теперь в цель попади. В самое сердце. Что у тебя там?

ТРОСТИНКИН:

Туман наводишь, бабка!

В чём твой фокус?

(Осматривается.)

Тут как-то скучно – ни свечей, ни карт.

На чём гадаешь?

БАБА ВЕРА: Не гадаю я. Говорю, что люди сами про себя ведают. Ведать-то ведают, но понимать не хотят!

ТРОСТИНКИН:

Формулировка хитрая! Ну, слушай.

Сергей Василич Куприянов. Знаешь

Такого человека? Вижу – знаешь!

Так вот, он этой ночью застрелился.

БАБА ВЕРА: А я при чём?

ТРОСТИНКИН:

Да именно при чём!

При том, что смерть ему ты обещала!

БАБА ВЕРА: Быстро он. Значит, ждать не захотел. Да, сказала я ему: смерть будет от близкого человека.

ТРОСТИНКИН: Хочешь сказать, что не самоубийство?

БАБА ВЕРА: Почему, может, и оно. Он же сам себе тоже близкий человек. Хотя я всё-таки думала – нет, такой не убьётся, другие убьют.

ТРОСТИНКИН: И, может, даже скажешь, кто убил?

БАБА ВЕРА: Да хоть бы и ты.

Тростинкин смеётся.

БАБА ВЕРА: Смейшись же, а сам напрягся весь. Будто тебя за руку схватили. Чуешь правду.

ТРОСТИНКИН:

Послушай, баба Вера, я сейчас
Определить хочу, где мы с тобой
Продолжим задушевную беседу.
Имеются у нас апартаменты

С решётками. Не хочешь посетить?

БАБА ВЕРА: Знаете, что? Если меня баба Вера зовут, это не я придумала, людям нравится, а вы лицо официальное, для вас – Вера Максимовна! И потрудитесь не тыкать! Я университет закончила и в техбюро тридцать лет проработала! Интеллигентка я, на вашу беду. В чём меня обвиняют? Не в доведении же до самоубийства? Чтобы расставить точки, цитирую статью сто десятую УК РФ. Уголовным деянием считается доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Ну? И где тут место для меня?

ТРОСТИНКИН: Я вижу, подготовились вы крепко.

БАБА ВЕРА: А как же! Не первый случай, когда меня обвиняют, что я человеку смерть напророчила! А я не пророчу, я просто говорю, что кого ждёт.

ТРОСТИНКИН: И что меня, тогда скажите, ждёт?

БАБА ВЕРА: Вы и сами знаете!

ТРОСТИНКИН:

Конечно, знаю. Многолетний труд
Стране на пользу. А потом с супругой
В Камышине осядем. Городок
Чудесный – Волга, тишина, рыбалка.
Она оттуда у меня. И там мы
Состаримся спокойно и умрём.

Баба Вера усмехается.

ТРОСТИНКИН:

Зачем так зубки скалить иронично?

Иль на меня имеете вы лично

Какую-то претензию? Обиду?

Учтите, без ответов я не выйду!

БАБА ВЕРА: Да сами вы все ответы знаете! И не надо давить на меня! Или забирайте, или... Или оставьте меня в покое!

Тростинкин встает, идет к окну.

ТРОСТИНКИН:

Приятный дворик. Здесь неподалёку
Знакомая одна жила. Я помню,
Помойка тут была. И гаражи
Стояли, а теперь помойки нет
И гаражи убрали, и асфальт
Нормальный проложили, и площадку
Тут детскую построили. Но люди
Всё время недовольны! Всё им мало!
А жизнь на самом деле постепенно
Всё улучшается. Согласны или нет?

(Баба Вера пожимает плечами.)

Вы говорите – все ответы знаю.

А ваш ответ какой? Что про меня
Сказать вы можете в ближайшей
перспективе?

БАБА ВЕРА: Ничего не скажу! А то
потом обвините опять в доведении до
самоубийства! Нет, спасибо!

ТРОСТИНКИН: Самоубийство? Шутите
вы, что ли?

БАБА ВЕРА: У вас на лбу написано!

ТРОСТИНКИН:

Неужто?

На лбу такое слово не уместись.

БАБА ВЕРА: Короче это слово. Просто –
смерть.

ТРОСТИНКИН:

Убьют другие? Что ж,

вполне возможно.

Такая служба.

БАБА ВЕРА:

Если там про смерть,
то, может, не про вашу.

ТРОСТИНКИН:

А про чью?

Сказать хотите – я убью кого-то?

А может, не дай бог, кого из близких

В виду имеете? Учтите, если что

Случится, вам не просто плохо будет,

А будет так, что проклянете день,

Когда на свет родились!

БАБА ВЕРА: Не пугайте!

Я, может быть, и так уж прокляла

Себя за то, что всех вас понимаю!

ТРОСТИНКИН:

Не только понимаете, другим

Умеете внушить! Сергей Василич

Ушёл от вас внушённым. Разве нет?

И объективно получается, что вы

Смертельный пистолет ему вложили!

Да, вы, Вера Максимовна! И если

Я вас пока не привлекаю, то

Лишь по одной причине – возраст ваш

Преклонный уважаю. И на этом

Закрыли тему! А супругу к вам,

Я всё-таки пришлю? Ведь, если вы,

Сумели Куприянову внушить,

Что может умереть, то, значит, можно

Дать установку и на жизнь? Согласны?

БАБА ВЕРА: Придёт, поговорим, и
будет ясно. Не мне, а ей самой. Хотя и так, я
думаю, она всё понимает.

*Тростинкин кивает. Выходит.
Возвращается.*

ТРОСТИНКИН:

Скажите, если вдруг приснился веник,

Которым награждает президент,

А после он министром назначает,

Но тут же под расстрел – ведь это всё

Не просто так? Ведь что-то означает?

БАБА ВЕРА: Чего вы хотите от меня?
Ходят, спрашивают! Сами всё знаете! Что
означает! Смерть означает! Но я не виновата,
ясно вам? Не я вам рассказываю, что с вами
будет, вы мне сами рассказываете! Всё, до
свидания!

Затемнение.

Светлана и Терещик после любовных занятий.

ТЕРЕЩИК: Ну, что? Не хуже я, значит, московских мужиков?

СВЕТЛАНА: Думаешь, мне есть с кем сравнивать?

ТЕРЕЩИК: Да ладно, мы нормальные взрослые люди! Я тебе всех заочно прощаю. Главное – вернулась. Поняла, кого любишь на самом деле. Приятно. Или что-то не так пошло?

СВЕТЛАНА: Всё не так пошло. Сижу на лекции, а сама думаю: зачем я тут сижу? Зачем тут учусь? Зачем в Москву приехала? Я ведь ничего ещё про себя не поняла. А уже как-то повернуло всё на какую-то линию... Куда-то уже... Замуж чуть не вышла.

ТЕРЕЩИК: Это новость! Расскажи. Богатый, красивый?

СВЕТЛАНА: Богатый, красивый. И понравился, и совпадаем во многом, всё шло к тому, что... И тут я – стоп, Света, ау, опомнись, это ведь навсегда!

ТЕРЕЩИК: Кто сейчас замуж навсегда выходит?

СВЕТЛАНА: А я верная жена буду, Женя. Это наследственное у меня. Мама вот от отца всю жизнь уйти хочет, а не уходит. А это очень вредно – жить наперекор себе. У неё от этого с головой уже проблемы.

ТЕРЕЩИК: Ну да, я что-то слышал. Между прочим, // у папы твоего с мозгами тоже, // похоже, нелады. Прикинь, стихами // вдруг начал говорить.

СВЕТЛАНА: Как ты сейчас?

ТЕРЕЩИК: А что, и я? Заразная это штука, блин, блин, блин горелый, выходи, который смелый! Это у нас считалка была в детстве. Я, когда затык какой-то, ну, проблема в жизни или там... Я всегда эту считалку – и помогает! Сбиваю судьбу со следа, как Палыч говорит.

СВЕТЛАНА: Палыч?

ТЕРЕЩИК: Отец твой.

СВЕТЛАНА: Он так говорит?

ТЕРЕЩИК: Ну. Он головастый у тебя. И достиг кое-чего. И на этом не остановится. Большого полёта человек. Так что твоя мама правильно не уходит. Да и вряд ли хотела, это она тебе только так говорит – матери всегда детей против отца настраивают. Моя вот тоже всегда мне и сестре: отец у вас и такой, и сякой, пьёт, зарабатывает мало. А умер, она третий год не просыхает, плачет. Я, знаешь, что думаю? Замуж тебе ещё, конечно, рано. В смысле, чтобы навсегда, окончательно. Но ты ведь даже не знаешь, как это, замужем быть. Тебе тренировочное замужество надо. Вышла, пожила, всё поняла, а потом можно уже

спокойно выбрать, с кем дальше. Если захочешь. А вдруг понравится?

СВЕТЛАНА: Или ты поумнел, Женечка, или я поглупела. Ведь правда – боюсь чего-то, а чего боюсь, даже не знаю. В самом деле, выйти замуж, попробовать, с чем это едят. За тебя, конечно?

ТЕРЕЩИК: Само собой.

СВЕТЛАНА: Но детей я тебе рожать не буду, учти.

ТЕРЕЩИК: Никто не торопит.

СВЕТЛАНА: Слушай, ты меня даже обрадовал! Серьёзно! У меня мысли какие-то были... Не то чтобы мрачные, а какие-то... Старые, что ли... Даже странно, я молодая, а мысли старые. Будто кто-то за меня их уже думал. Подержанные мысли какие-то, понимаешь? А ты прямо что-то новенькое сказал, я об этом не думала! Действительно, выйти замуж, пожить обычной жизнью, осмотреться... Москва, Карамызык, какая разница? Вдруг я тут счастливой буду? Была же в детстве счастливой!

ТЕРЕЩИК: А была?

СВЕТЛАНА: Ещё как! Я с улыбкой просыпалась каждый день. Всё мне было хорошо. В школу иду к подругам, к друзьям – хорошо! Отвечаю у доски, учителя хвалят, отличница же – хорошо! На пианино учусь – хорошо. Каждый день было хорошо. А потом не так. И мне хочется, чтобы опять. Чтобы просыпаться с улыбкой.

ТЕРЕЩИК: Взрослая жизнь отягощает. *(Обнимает, целует.)* Не знаю, как просыпаться, а засыпать ты у меня точно с улыбкой будешь. Гарантирую. Но ты вот что, ты к отцу присмотришь. Беспокоит он меня.

СВЕТЛАНА: Меня тоже. И мама. В детстве я их не замечала. Нет, любила, обожала даже, но какие они – не видела, не понимала. Просто – папа, мама, и всё, и на том спасибо. Теперь понимаю, но это очень тяжело... Жень, а ты меня очень любишь?

ТЕРЕЩИК: Ну... Довольно сильно.

СВЕТЛАНА: Но ведь не поехал за мной в Москву, хотя мог бы, значит всё-таки не смертельно?

ТЕРЕЩИК: Ты к чему, я не понял?

СВЕТЛАНА: К тому, Женя, что, когда я уйду от тебя, когда бошу, ты же не очень огорчишься? Неприятно будет, да, но ведь не до смерти?

ТЕРЕЩИК: Переживу как-нибудь.

СВЕТЛАНА: Тогда ладно. В лёгкую поженимся, да? Типа, эксперимент?

ТЕРЕЩИК: Ну.

СВЕТЛАНА: Прямо это идея какая-то свежая, прямо я радуюсь даже, я сто лет уже так не радовалась! Я тебя даже почти люблю, только ты не очень это всерьёз, это у меня сейчас настроение такое. Сам, наверно, знаешь, так иногда любить хочется, что уже кажется, что любишь. Бывало у тебя так?

ТЕРЕЩИК: Бывало, Светик. С тобой у меня всегда так.

СВЕТЛАНА: Скажи, что любишь. Хочу услышать. Это красиво же, когда признаются. Волнительно.

ТЕРЕЩИК: Я тебя люблю.

СВЕТЛАНА: Я сейчас тоже скажу, но предупреждаю, не потому, что люблю, а – хочется. Чтобы тебя не обманывать. Готов?

ТЕРЕЩИК: Готов.

СВЕТЛАНА: Я тебя люблю. Ой.

ТЕРЕЩИК: Что?

СВЕТЛАНА: Горячо так сделалось! Вот тут. *(Прикладывает руку к тому, что анатомы называют надчревной областью.)*

ТЕРЕЩИК: Потерпи, сейчас полечим!
Целует туда, где было ой.
Затемнение.

8.

Альбина, выходя на сцену, отвечает Тростинкину. В руках у Альбины книга.

АЛЬБИНА: Не пойду я к ней! Зачем?

Появляется Тростинкин.

ТРОСТИНКИН:

Она людей реально лечит, Аля!

И будущее может предсказать!

АЛЬБИНА: И я могу! Например, после лета будет осень. А после осени, вы не поверите, зима! Витя, это всё ерунда, я тебе что хотела показать. *(Открывает книгу.)* Это античная мифология. Ты ведь тоже читал?

ТРОСТИНКИН: Когда-то вроде бы. Чего ты там нашла?

АЛЬБИНА: Тут всё. Все основные сюжеты будущей литературы. И жизни. Вот, миф об Эдипе. Если коротко – Эдип убил своего отца, женился на его вдове, то есть своей матери. Узнал об этом и от отчаяния выколол себе глаза. Скитался по свету с дочерью, но везде его преследовали несчастья, и он умер от горя.

ТРОСТИНКИН: Допустим, и какое отношение Эдип имеет к нам?

АЛЬБИНА: Не понимаешь? Куприянов тебе был как отец. А с его женой...

ТРОСТИНКИН:

Не надо! Я на Сандре не женился!

Да, был с ней эпизод. Я сам тебе

Признался в этом. Сожалею. Точка.

АЛЬБИНА: Хорошо, пусть не она, тогда я! Я была воспитательницей у тебя, почти мать! И ты меня так добивался – и тогда, и потом, прохода не давал, даже грозил, что с собой покончишь! Я удивлялась, почему, зачем, мы же с тобой совсем разные люди и по возрасту, и по всему! Да, я поддалась, но всю жизнь не могла понять, как это случилось. И вот – поняла! Это рок, Витя! Это предопределение! Как и у Эдипа – убить отца, жениться на матери!

ТРОСТИНКИН:

При чём тут Куприянов? Не отец Он был мне. И его не убивал я!

А ты мне не годишься в матеря, Тьфу, в матери! Совсем заговорился.

АЛЬБИНА: Гожусь, очень даже гожусь, ты всегда любил, чтобы я за тобой, как мать, ухаживала!

Постирать, приготовить, приласкать! А спишь ты как? Уткнёшься носиком мне в грудь – именно не как муж, а будто сын, и посапываешь! Как ребёнок!

ТРОСТИНКИН:

Альбина, прекрати! Мне неприятно,

В конце концов! Какой ещё тебе

Ребёнок я? Мужчина! Муж! Мужик!

И Куприянов мне на роль отца

Ни разу не годится! Да, держал

Всё время при себе, хотел, наверно,

Подельником своим меня заделать.

Но я на это не повёлся. Честно

Предпочитаю жить! И ты Эдипом

Не парь меня! Кому сказать, смешно –

Эдип Карамызякского района!

АЛЬБИНА: Витя, я ведь тебя ни в чём не упрекаю! Хотя, родной мой, насчёт того, чтобы честно жить... Не преувеличивай, я знаю про твои дела.

ТРОСТИНКИН:

Какие, блин, дела? О чём ты, Аля?

Вот Куприянов – да, всюю делячил!

Я ангел в перьях по сравнению с ним!

АЛЬБИНА: И у тебя всё, значит, по закону?

ТРОСТИНКИН:

По правилам, родная! Объясню.

В стране сто сорок с лишним

миллионов,

И если взять их строго по закону,

То сколько надо посадить?

АЛЬБИНА: Всех сразу?

ТРОСТИНКИН:

Вот именно! Ну, может, исключить

Грудных детей, больных и стариков.

А остальные – по закону – сядут!

В Америке твоей любимой, кстати,

Ты знаешь, сколько чалится на зонах?

Два с лишним миллиона! Молодцы!

Умеют защищать себя!

АЛЬБИНА: При чём тут

Америка? И почему моя?

ТРОСТИНКИН:

Но ты же либералка,

Крым не наш!

АЛЬБИНА. Он наш, но по закону!
Постепенно!

ТРОСТИНКИН:

Да бред! На ваш закон другой закон

Всегда найдут! И в этой канители

Забудут все о настоящем деле!

Нет, правила вернее! И по ним

Вообще неважно, чей там этот Крым,

Но надо, чтоб был наш! По сути надо!

Ты в корень загляни! Вот я учился

В Москве на курсах, был из

министерства

Там умный человек. Он объяснил,
Что есть законы в Библии, в Коране,
В Евангелии, далее везде,
Но кто живёт по ним? Да единицы!
И те в пещерах где-то, вне людей,
Пьют из ручья и саранчу вкушают!
А большинство тогда что в рамках
держит?
Да, правила! Тойсть – как договорятся
Между собой, а кто не понимает,
Тогда уж, ладно, можно по закону –
А нужный мы закон всегда найдём!
Так вот, Василич наш из правил вышел,
Стал беспределить, и его пришлось
Убрать. Теперь смотри. Пускай немного
Я вор и жулик тоже. Не боюсь
Признаться, но при этом соблюдаю
Умеренность, не хапаю в три горла,
И это относительный прогресс
В сравненье с Куприяновым. А после
Придёт ещё скромнее кто-то, а потом
Настанет время вовсе скромных. Это,
Как ты сама сказала, постепенно,
Зато вернее. А теперь представь,
Что завтра соберу я всех, всю нашу
Верхушку городскую и скажу:
Хана, ребята, с этого момента
Всё будет только строго по закону,
Шаг вправо или влево – сразу срок!
Что будет, рассказать? Меня в
психушку

Отправят сразу. Если не пристрелят.
А я ведь мог бы тихо, помаленьку
К хорошему всё двигать. В результате
И правды не добьюсь, и сам себя
Вчистую уничтожу. В чём тут смысл?

АЛЬБИНА: Я не об этом, Виктор! Я о
том, что, если даже ты и убил Куприянова –
прямо или как-то косвенно, то не надо этого
стесняться, Витя! Ты считаешь, что прав, и
будь правым! Решительно, смело, даже нагло!
Эдип не знал, кого убивает, а ты знал – и
хорошо! Ты сознательно всё делаешь! То, что
ты сейчас мне сказал – мне это не очень
нравится, но это земная, телесная правота, это
борьба за жизнь, Ахиллес бьётся с Гектором и
побеждает, а ты победил Куприянова –
героически! И это здорово, понимаешь, Витя?
Я не к тому, что нельзя убивать, воровать,
жульничать. Да господи, конечно, давно уже
можно, но не мелко, Витя, не тайком, а весело,
азартно, понимаешь? Понимаешь? Без суеты,
гордо, как герой!

*Альбина говорит это почти
радостно. Тростинкин всматривается в неё.*

ТРОСТИНКИН:

Тебе не к бабе Вере надо, Аля,
Тебе пора к серьёзному врачу.
Не здесь, в Москве. Давай похлопочу?

АЛЬБИНА (настроение резко меняется,
она становится грустной, разочарованной):

Спасибо, не хочу... Жаль...

Ты меня совсем не понял.

Входит Светлана.

СВЕТЛАНА: Добрый вечер, чего не
спите? Мам, ты сейчас намного лучше
выглядишь, я днём даже напугалась! Папка, я
соскучилась! (*Обнимает Тростинкина.*) А
теперь сядьте, будет новость! Ну, садитесь,
садитесь!

Тростинкин и Альбина садятся.

СВЕТЛАНА: Я выхожу замуж! За Женю
Терещика. Причём по любви. Ну? Где ваше
счастье, не вижу?

ТРОСТИНКИН: А посоветоваться
можно было? Ты для этого, что ли, вернулась?
Бросила Москву, учёбу, перспективу – для
этого?

СВЕТЛАНА: Всё ещё успею – потом!

ТРОСТИНКИН: Никаких потом не
бывает! Всё только сейчас и здесь!

АЛЬБИНА: Виктор, как ты говоришь? У
тебя что, прошло?

СВЕТЛАНА: А что было? Женя сказал,
пап, что ты стихами умеешь говорить. Правда?
Покажи, как?

ТРОСТИНКИН: Я не клоун вам! Всё
кончилось – и слава богу! Из-за тебя, наверно,
дочурочка, ты меня ошарашила, мягко говоря.

АЛЬБИНА:

Всё кончилось... Увы.

Я так и знала.

Так странно... Будто ночью

среди вокзала меня позвали,

я на зов иду и никого не вижу,

не найду, и понимаю – показалось...

Какая жалость.

ТРОСТИНКИН: Не поймешь тебя!
Ненормально говоришь – нравится, заговорил,
как человек – недовольна! Знаете, что? –
Достали вы меня до самой печени! Один
стреляется, другая с ума сходит, эта замуж
собралась! И старуха ещё смерть пророчит,
очень приятно!

АЛЬБИНА: В самом деле? Она смерть
предсказала?

ТРОСТИНКИН. Ну да. Говорит – на лбу
написано!

АЛЬБИНА: А чья смерть?

ТРОСТИНКИН: Как чья? Мой лоб, моя
и смерть!

АЛЬБИНА: Не обязательно. Хорошо.
Ладно.

Идёт к двери.

ТРОСТИНКИН: Что хорошо?! Что
ладно?!

Альбина, не ответив, уходит.

СВЕТЛАНА: Ты не расстраивайся, пап,
всё будет нормально. По крайней мере, со
мною. Обещаю. Спокойной ночи.

ТРОСТИНКИН: Спокойной ночи. Ты-то
хоть про меня так не думаешь?

СВЕТЛАНА: Как?

ТРОСТИНКИН: Ладно, иди.

Затемнение.

Ночь. Тростинкин сидит в кухне, выпивает.

ТРОСТИНКИН: Мороз и солнце, день чудесный... ещё ты спишь... Нет. Ещё ты не проснулась. Нескладно. И я теперь говорю нескладно. Зато нормально. Это хорошо. Зато нормально. Это хорошо. Опять, что ли? Нет, отпустило.

Входит Светлана.

СВЕТЛАНА: Выпиваешь?

ТРОСТИНКИН: Немного. А ты чего?

СВЕТЛАНА: Не знаю. Спала, спала – и вдруг проснулась. Будто что-то услышала. Ты не звал?

ТРОСТИНКИН: Нет. Свет, почему Терещик? Неужели в Москве не нашлось никого лучше? И куда спешить?

СВЕТЛАНА: Я не спешу, я определяюсь. Мама спит?

ТРОСТИНКИН: Наверно.

СВЕТЛАНА: Я посмотрю.

ТРОСТИНКИН. Зачем?

СВЕТЛАНА: Ну, просто. Если не спит, позову. Посидим вместе. Мы давно вместе не сидели.

Светлана уходит. Через некоторое время возвращается. Встаёт у стены.

ТРОСТИНКИН: Чего?

СВЕТЛАНА: Пап, мамы нет.

ТРОСТИНКИН: В туалете, может? Или на балконе воздухом дышит.

СВЕТЛАНА: Я выходила на балкон.

Там... Пап, она не на балконе. Она – там...

ТРОСТИНКИН: Где – там?

СВЕТЛАНА: Внизу. На земле.

Затемнение.

2 ДЕЙСТВИЕ

1.

Похоже, ещё один сон. На самом деле нет. Две девушки в бане охаживают Тростинкина венниками.

ТРОСТИНКИН: Сильнее!

Девушки стараются.

ТРОСТИНКИН: Крепче! Ещё! Ещё! Стоп! Всё. Хватит.

Девушки уходят, Тростинкин заворачивается в простыню, идёт в предбанник. Входит Майя с кружкой пива. Тростинкин жадно пьёт.

ТРОСТИНКИН: А ты чего? Угощайся.

МАЙЯ: Я уже.

ТРОСТИНКИН: Погано выглядит, а, Маечка? Прямо сатира и юмор в одном лице! Мент с бабами в бане! С бабами в бане мент! На стихи похоже. Стихи любишь?

МАЙЯ: Да так... Когда кого-то поздравить надо, в интернете отыскиваю. Красивые есть стихи. И с юмором. Желаю вам я в день рожденья найти удачи приключенья на каждом жизни вираже, но только не на свою жэ! *(Смеётся.)*

ТРОСТИНКИН: И в чём юмор?

МАЙЯ: Ну – жэ. Имеется в виду...

ТРОСТИНКИН: Да знаю я, что имеется в виду! Раз жэ – то уже смешно? Дебилы! Нет, стихи – это без жэ. Это Пушкин: «Мороз и солнце, день чудесный!» Что там дальше?

МАЙЯ: «...Ещё ты дремлешь, друг прелестный».

ТРОСТИНКИН: Красиво! Дальше!

МАЙЯ: Не помню.

ТРОСТИНКИН: И я не помню. Постой. Он от себя ведь писал, так? А кто друг прелестный? Почему друг, не подруга? Он с кем спал, получается? Твою-то мать, неужели и Пушкин из этих был?

МАЙЯ: Вроде нет. У него, наоборот, много женщин было.

ТРОСТИНКИН: А «друг» почему тогда?

МАЙЯ: Не знаю. Может, совмещал.

ТРОСТИНКИН: Ну да, это мы запросто – совмещать. Всё со всем. Уже у нас уроды нормальными считаются, а нормальные своей нормальности стесняются! Дожили! Чего смотришь так? Думаешь, с горя веселюсь? А вот нет. И она, наверно, думала, что я прямо застрелюсь сразу. Для этого и с балкона прыгнула. Не для себя прыгнула – для меня. Ладно, оценил, что дальше? А ничего!

МАЙЯ: Не надо, Виктор. Я про бывшего, хоть он и живой, ничего плохого же не говорю.

ТРОСТИНКИН: Я заметил. Ты позитивная у нас.

МАЙЯ: И не скрываю. Потому что всё плохое, что мы говорим, на нас же и падает.

ТРОСТИНКИН: Неужели? Ладно, пусть упадёт, сейчас буду плохое говорить. Она не тогда прыгнула, когда с балкона, а раньше. Знаешь, когда? Когда замуж за меня вышла. Я же её добился, я её победил. Она умненькая, интеллигентненькая, деликатная такая вся, университет с красным дипломом, а я – детдомовец! Ни рода, ни племени! Но меня всегда тянуло... К чистому, светлomu, Маечка! К хорошему! И я к ней потянулся. Но она-то видела, кто я? Видела или нет? С умом своим университетским! Видела! Что паренёк хитрожопистый под себя гребёт, косит тоже под деликатного, а сам, сучок, ещё тот кобелина и зверина в душе! Видела или нет? Видела! На что надеялась? А?

МАЙЯ: Ты меня спрашиваешь?

ТРОСТИНКИН: Да нет. Вопрос риторический. Она так любила говорить. Чего-то спросит, я – а? чего? – а она, да я так, вопрос риторический. То есть – сама ответ знаю. И я знаю. Всё она понимала и видела. И простить

не могла. Не меня не могла, себя не могла простить. Что выбрала нормального мужика, а не какого-то... Нормального, человеческого мужика! И выбор был правильный! ... Я знаю, вы там шепчетесь, будто я её вниз пихнул.

МАЙЯ: Никто не шепчется.

ТРОСТИНКИН: Шепчетесь! Задаю встречный вопрос – за что? Мотив?

МАЙЯ: Вы сколько с ней прожили?

ТРОСТИНКИН: Двадцать один год.

МАЙЯ: Вот и мотив. Мне мой бывший за два года надоел. И я ему. Налево бегать начал. Я говорю – Дима, мне не так обидно, что ты изменяешь, хотя обидно, конечно, но ещё обидней, что скрываешься. Как шпион в тылу врага. Я тебе жена, а не враг, мог бы и рассказать. Нет, ты боишься. Я тебя за это не уважаю. А как я могу жить с человеком, если его не уважаю? Он говорит: если бы я что хорошее делал, я бы рассказал. Я ему: опаньки, ничего себе, то есть ты что-то нехорошее делаешь? Он: конечно. Я ему: зачем ты тогда это делаешь, если оно нехорошее? А он: по глупости. Я аж расхохоталась. Дима, ты меня добиваешь, мало, что ты трусливый, ты глупый ещё, и сам в этом признаёшься! Ну и как нам после этого быть? Прости, говорит. Я говорю: за что, Дима? За то, что ты трус и дурак? Ну, прошу, но ты же от этого не поумнеешь и смелым не станешь! ... Обиделся, ушёл...

ТРОСТИНКИН: Странные вы, женщины. Когда вас видишь в рамках службы, вы одни, в другом месте другие. Вам врётся – не нравится, правду говоришь – опять не нравится. Чего вам надо-то?

МАЙЯ: Да того же, что и вам. И вообще всем на свете. Любить нас надо, да и всё.

ТРОСТИНКИН: Но я же вот тебя-то не люблю.

МАЙЯ: Зато я тебя немножко люблю. Лучше хоть что-то, чем ничего. *(Приласкивается к Тростинкину.)*

ТРОСТИНКИН. Ты сдурела? Сорок дней даже не прошло, я что, совсем скот?

МАЙЯ: Да я так... По-детсадовски. Без задних мыслей.

ТРОСТИНКИН *(наливает себе и Майе):* Помянем.

Молча выпивают.

ТРОСТИНКИН: С другой стороны, ты вот мужу всё объяснила. Молодец. Он понял, за что ты на него обижаешься. А она ничего не объяснила. Может, Сандру не простила мне? Или подозревала, что я с другими? С тобой опять же.

МАЙЯ: Я не опять же, Витя.

ТРОСТИНКИН: Да я без обид, Маечка.

МАЙЯ: Я не опять же, Виктор Павлович! Когда ты меня сюда пригласил, я думала, ты что-то серьёзное скажешь. Про нашу будущую жизнь. А ты про Пушкина!

ТРОСТИНКИН: Нашу будущую жизнь?

Уже так? Ничего не перепутала?

МАЙЯ: Раньше у тебя отмазка была – жена, семья. Сейчас жены нет – что мешает?

ТРОСТИНКИН: Вовремя ты этот разговор...

МАЙЯ: А когда ещё? Терещик меня опять спрашивал, как я решила, был ты у меня ночью или нет. И во сколько.

ТРОСТИНКИН: А ты не решила ещё?

МАЙЯ: А чего тут решать? Скажу правду – не был.

ТРОСТИНКИН: Кому скажешь?

МАЙЯ: Кто спросит, тому и скажу. И не только про это, а и про другие твои дела. Я же много знаю, товарищ подполковник. Очень много – лет на десять строгого режима.

ТРОСТИНКИН: Неосторожно шутишь. Ты меня знаешь, красавица, если понадобится, я тебя тоже...

МАЙЯ *(моментально подхватывает):* Тоже?!

ТРОСТИНКИН: Я хотел сказать...

МАЙЯ: Да сказал уже, сказал! Тоже! Вы сейчас практически признались, товарищ подполковник!

ТРОСТИНКИН: Не дури! Я имел в виду – тоже, то есть, как с другими строго поступаю, так и с тобой...

МАЙЯ: Нет, поздно, тоже – значит тоже убью! Всё, ответ засчитывается! *(Другим тоном.)* А вот будешь моим мужем, я против тебя свидетельствовать не смогу.

ТРОСТИНКИН: Не разглядел я тебя, оказывается, Маечка.

МАЙЯ: Не туда смотрел, Виктор. Ты сюда смотрел, сюда, сюда! *(Показывает.)* А надо было сюда! *(Показывает на сердце.)* Или тебе не интересно, что там?

ТРОСТИНКИН: Предательство у тебя там.

МАЙЯ: Неправда! Любовь у меня там, Витя. Ты сам виноват. Ты такой мощный, такой... Я вот бывшему наговорила всего, ну, причины искала, почему разойтись. А всё просто – не любила. И масштаб не мой. А ты – мой масштаб. Ты моя судьба, Витя. Ну, чего ты? Скажи, что хочешь, ругайся. Легче станет. Или даже ударь. Хочешь? Ведь хочешь, я вижу. Ну? Давай!

Она подставляет лицо. Тростинкин очень хочет ударить, но сдерживается.

ТРОСТИНКИН: Пива ещё принеси.

Майя встает, идёт за пивом.

ТРОСТИНКИН: «Друг прелестный...» Ё, неужели и Пушкин?

Затемнение.

Слышно, как подъезжает машина. Хлопает дверца, пикает сигнализация. Входят Светлана и Терещик.

СВЕТЛАНА: Зайдешь?

ТЕРЕЩИК (глянув вверх): Да нет, у меня там ещё... В отдел заехать надо.

СВЕТЛАНА: А чего вышел тогда из машины?

ТЕРЕЩИК. Проводить.

СВЕТЛАНА: Два шага? Ты смешной. Главное, на сигнализацию даже поставил.

ТЕРЕЩИК: Привычка. Да нет, я хотел, но... *(Понизив голос.)* Ты вверх не смотри, там отец твой на балконе. Наблюдает.

СВЕТЛАНА: Не хочешь с ним встречаться?

ТЕРЕЩИК: Да как-то... Языка не нахожу. Хорошо, он отгулы взял. Понять можно – ситуация. Большое горе, что и говорить, но тебе вот тоже тяжело, а ты держись. А он рассыпался как-то весь. На прошлой неделе позвал и два часа про Эдипа рассказывал. Это древний такой царь, что ли. Кого-то убил, потом сам себе глаза выколол. Легенда, вроде того.

А потом мне говорит: ты бы, говорит, мог с собой покончить? Я говорю, да нет, говорю, я сначала покончу с преступностью и криминалом. Ну, шучу как бы. А он как начал орать – будто я его обидел. То стихами говорил, но по делу, а сейчас и не стихами, и не по делу. Вопросы нехорошие задаёт: а что, говорит, если я Куприянова убил? Опасное состояние, короче.

СВЕТЛАНА: Женя, но ведь он не мог бы, да?

ТЕРЕЩИК: Света, чего мы можем, никто не знает! Вот вчера ночью пацана поймали, наркошу, в форточку залез, стащил деньги, барахлишко. Я с ним туда поехал, ну, следственный эксперимент – лезь туда опять, показывай. Он голову всунул и застрял. И так, и сак, и я его пихал, не лезет! Я ему: как же ты раньше-то пролезал? А он: надо было!*(Смеётся.)* Надо было! Понимаешь, да? Когда надо, всё возможно!

СВЕТЛАНА: А ему было надо?

ТЕРЕЩИК: Никому это было не надо!

Из подъезда выходит Тростинкин. Он крепко пьян, но держится.

ТРОСТИНКИН: Ошибаешься, Женя, надо было! Логика вещей к этому вела.

ТЕРЕЩИК: Добрый вечер, Виктор Павлович, мы тут...

ТРОСТИНКИН: А вот что вы пожениться собрались, в этом никакой логики!

СВЕТЛАНА: Пац, мы на время. Для опыта.

ТРОСТИНКИН: Шутить изволишь, дочурочка? На время! Нет ничего на время, всё навсегда! Мы вот с мамой и с тобой в Египте отдыхали, помнишь? На море были, а потом к пирамидам поехали. Тебе лет пять было. Или семь. Помнишь?

СВЕТЛАНА: Помню – жарко было очень.

ТРОСТИНКИН: Там были надписи. И краской, и нацарапано. На камнях. Типа здесь был такой-то и тогда-то. Так вот. На тебе, как на пирамиде, тоже надпись будет: «Здесь был Женя!»

СВЕТЛАНА: Даже если так – и что?

ТРОСТИНКИН: А то! *(Долго собирается с мыслями.)* Хотел что-то важное сказать, забыл. Короче, Светик, езжай обратно в Москву. Или вместе поедем. Терещик, ты слышал? Я увольняюсь. Поеду в Москву и устроюсь столяром. У нас в детдоме мастерская была. Денис Эдуардович там был, золотые руки. Табуретки делали, скамейки. Да что скамейки, столы делали настоящие, письменные! С ящиками! Даже продавали организациям. Денис Эдуардович, конечно, с этого что-то имел. Эксплуатация детского труда, согласен. Но это с одной стороны. А с другой, – детям дал фактически профессию. Несколько до сих пор трудятся в этой области. Кусок хлеба дал! Так или нет? А вы говорите! *(Морщится, трёт лоб.)* Опять мысль потерял.

ТЕРЕЩИК: А вы стихами попробуйте.

ТРОСТИНКИН: Не смей хамить мне, товарищ капитан! Ладно, потом вспомню. Света, пойдём. И из дома ни ногой, поняла? *(Пошатнувшись, хватается за Светлану.)* Ты видишь, отцу плохо? Помоги!

Светлана ведёт его к двери. Оглядывается. Терещик ободряет её сочувственной улыбкой.

3.

Ночь. Появляется девушка. Это Альбина в 20 лет. Вматривается в темноту.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Кто там? Тростинкин, опять ты?

Из темноты выходит Тростинкин. В форме.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Иди спать. Я ведь пожаловаться могу.

ТРОСТИНКИН: Жалуйся.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: На вы, пожалуйста, и – Альбина Кирилловна!

ТРОСТИНКИН: Жалуйтесь, Альбина Кирилловна.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Чего ты хочешь, я не понимаю?

ТРОСТИНКИН: Понимаете!

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Тебе сколько, Тростинкин? Четырнадцать?

ТРОСТИНКИН: Почти шестнадцать.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: А мне двадцать. Надо что-то объяснять?

ТРОСТИНКИН: Поцелуй меня.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Ты с ума сошёл?

Тростинкин достаёт нож.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Это что такое?

ТРОСТИНКИН: Сейчас пырну в живот себя и умру.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Витя, успокойся. Давай днём поговорим.

ТРОСТИНКИН: Нет. Сейчас.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Хорошо. Пойми, Витя, впереди у тебя большая жизнь, просто огромная. Встретишь девушку, полюбишь её...

ТРОСТИНКИН: Уже встретил. Поцелуй меня.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Хорошо, только отдай нож. Нет, лучше брось. Брось – и поцелую. Обещаю.

Тростинкин бросает нож. Подходит к Альбине. Она целует его в щёку.

ТРОСТИНКИН: Не так.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Имей совесть, Тростинкин!

Тростинкин поднимает с пола нож.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Ты опять? Я не могу тебя поцеловать, Тростинкин, я умерла уже.

ТРОСТИНКИН: Неправда. Ты живая.

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Да? А ты дотронься.

ТРОСТИНКИН: Можно?

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: Можно.

ТРОСТИНКИН: А до чего дотронуться?

АЛЬБИНА В 20 ЛЕТ: До чего хочешь.

Тростинкин хочет дотронуться до её руки, Альбина отводит руку. Отходит. Тростинкин идёт за ней. Она скрывается в темноте. Тростинкин выхватывает фонарик, светит. И видит девушку. Та стоит спиной к нему, накрывшись простынёй с головой. Тростинкин идёт к ней, сдёргивает простыню. Там пусто. Тростинкин растерянно оглядывается. Видит девушку, накрытую простынёй, в противоположной стороне. Бежит туда. Сдёргивает простыню. Пусто. Так повторяется несколько раз.

После этого Тростинкин уходит. Появляется вновь – уже без формы. Одновременно входит Светлана.

СВЕТЛАНА: Пап, ты чего? Поспал бы.

ТРОСТИНКИН: Я спал.

СВЕТЛАНА: Ты в самом деле считаешь, что мне надо в Москву вернуться?

ТРОСТИНКИН: Не знаю... Что у тебя там случилось? Не рассказала ведь ничего.

СВЕТЛАНА: Всё нормально, просто решила сделать паузу.

ТРОСТИНКИН: Мама что-то говорила тебе?

СВЕТЛАНА: О чём?

ТРОСТИНКИН: Про меня?

СВЕТЛАНА: Нет.

ТРОСТИНКИН: А вообще?

СВЕТЛАНА: Что вообще?

ТРОСТИНКИН: Что-нибудь. Какие-нибудь, я не знаю, намёки, что ли? Ты не догадывалась, что она задумывала?

СВЕТЛАНА: Нет. Мне кажется, не собиралась она. Наоборот, говорила, что жить надо величественно.

ТРОСТИНКИН: Как?

СВЕТЛАНА: Величественно.

ТРОСТИНКИН: А что это значит?

СВЕТЛАНА: Не знаю.

ТРОСТИНКИН: Всё ты знаешь, только молчишь. Не понимаю я вас.

СВЕТЛАНА: Кого?

ТРОСТИНКИН: Да всех! Ты вот чего хочешь?

СВЕТЛАНА: Вопрос сложный.

ТРОСТИНКИН: А чего в нём сложного? Я вот знаю, чего хочу. Всегда знал. Понимал своё место. У нас в школе милиции шутник был, говорил: мент как монумент, где поставят, там и стоит. Вот я и стою. На страже. Мне, может, тоже не нравится, но я... У меня чувство долга, между прочим. Я, может, и правда столяром бы лучше стал. Отработал своё время, верстак почистил, всё убрал – и домой с чистой совестью. Но я могу больше и делаю больше. Потому что надо. Без вопросов – надо! А вы... Плюс на минус, сикось-накось! Не догадаешься сроду, что у вас на уме... Чего молчишь? Смена караула? Теперь ты меня ненавидеть будешь?

СВЕТЛАНА: За что?

ТРОСТИНКИН: Была бы охота, а за что всегда найдётся!.. Это правда, что те, кто сами, в рай не попадают?

СВЕТЛАНА: У меня друг есть в сети, в семинарии преподаёт, очень умный... Ну, как друг, он у меня в друзьях, а я... Переписку читаю, комментарии иногда пишу. И была эта тема, и был вопрос, грех или нет? И он ответил, что у него взгляд не канонический. Что, если кого убьют, если он умрёт без покаяния, то это даже хуже. Хотя бог простит, он же не виноват. А если кто сам, то это как бы акт покаяния. Значит, есть шанс, что мама попадёт в рай. Если он есть.

ТРОСТИНКИН: Это хорошо...

Тяжело встаёт, идёт к двери. Останавливается.

ТРОСТИНКИН: А ты зачем его спрашивала?

СВЕТЛАНА: Я не спрашивала, я читала.

ТРОСТИНКИН: И читать не надо! Ребята, вы чего, охренели все? То Куприянов, то мама наша... Блин, не все же сразу!

Выходит и тут же возвращается.

ТРОСТИНКИН: Свет, а вот у Пушкина «мороз и солнце», «друг прелестный» – это про кого?

СВЕТЛАНА: Не знаю. Это стихотворение: «...ещё ты дремлешь, друг прелестный, пора, красавица», очнись. Или проснись.

ТРОСТИНКИН: Красавица? То есть, всё-таки, женщина?

СВЕТЛАНА: Да.

ТРОСТИНКИН: Слава богу!
Затемнение.

4.

Баба Вера говорит по телефону.

БАБА ВЕРА: Нет, никого не принимаю, болею. Не знаю. Вот вы интересные какие, я же не прогноз погоды, чтобы заранее всё знать! Через неделю позвоните. Спасибо, до свидания!

Она включает телевизор, садится смотреть его. Звонок в дверь. Баба Вера идёт к двери, открывает. Входит Тростинкин.

ТРОСТИНКИН: Здравствуйте.

БАБА ВЕРА: Здравствуйте. Извините, я болею, так что...

Тростинкин, обогнув её, проходит, выключает телевизор, берёт стул, ставит его между бабой Верой и телевизором, садится на него верхом.

БАБА ВЕРА: Я же сказала...

ТРОСТИНКИН. Помолчи. ... Я хотел раньше прийти. Удержался. А то бы убил тебя, колдовка старая.

БАБА ВЕРА: Вы пьяный, что ли? И извольте не ругаться тут! Уважайте возраст хотя бы!

ТРОСТИНКИН: Я сам решу, чего мне изволить и чего уважать. Ты себя как бабу Веру рекламируешь, значит, и будешь баба Вера. Я понял, чем ты занимаешься. Ты знаешь, что люди тусы. И они мнительные. Всего боятся. Бедности, болезней. Смерти. Вот ты им и внушаешь: заболеете, умрёте. И они умирают.

БАБА ВЕРА: Неправда! Некоторые, наоборот, выздоравливают! И живут! Я им как раз про жизнь внушаю! То есть они сами себе!

ТРОСТИНКИН: Внушаешь? Царицей морской себя чувствуешь? Силой своей любишься?

БАБА ВЕРА: Послушайте...

ТРОСТИНКИН: Ты мою жену убила. И ты это знаешь.

БАБА ВЕРА: Да я даже не видела её!

ТРОСТИНКИН: Ты через меня передала. Знала, что я ей расскажу. На это и рассчитывала. Удалось, умерла она. Слышала, конечно? Я вопрос задал!

БАБА ВЕРА: Слышала и очень сочувствую. Но вы не правы, я никакого отношения...

ТРОСТИНКИН: Не врать! Никакого! Ещё какое! А сейчас удивись – я это тебе прощаю. То есть не прощаю пока. Шанс даю. Отвечай, кто теперь на очереди?

БАБА ВЕРА: Вы серьёзно?

ТРОСТИНКИН: Более чем. Кто? Может, я? Учти, если соврёшь, увижу.

БАБА ВЕРА: Ничего я не знаю и ничего не скажу. И мне лекарства принимать надо!

Идёт в другую комнату. Тростинкин вскакивает, встаёт перед ней.

Что, тоже больная? А когда умрёшь – знаешь?

БАБА ВЕРА: Скоро, успокойтесь.

ТРОСТИНКИН (резко смягчившись): Баба Вера, Вера Максимовна, давайте похорошему! Не бойтесь, если скажете, что я на очереди... Досадно, конечно, но пойму. Я не мнительный. Я, наоборот, сопротивляться буду. Кто предупреждён, тот вооружен. Я или нет? Не я? А кто? Дочь моя? У меня никого больше не осталось. Чего молчишь?

БАБА ВЕРА: Я не понимаю, чего вы хотите!

ТРОСТИНКИН: Вам трудно разве? Пообещайте, что с дочерью всё будет в порядке.

БАБА ВЕРА: Обещать не могу, а просто говорю: с ней всё будет в порядке.

ТРОСТИНКИН: Успокаиваешь? Не верю я тебе. И считаю, что ты приносишь вред обществу. Тебя надо изолировать. Товарищ лейтенант!

Входит Терещик.

ТРОСТИНКИН: Проводи гражданку.

БАБА ВЕРА: Не имеете права! И я лекарство выпить должна!

ТЕРЕЩИК: Пойдёмте, баба Вера! Там у нас всё дают. Да тюрьма и сама от всего лечит. Без таблеток.

БАБА ВЕРА: Прекратите нарушать закон! Вы обязаны объяснить причину задержания!

ТЕРЕЩИК: Всё по закону. Сначала задерживаем, потом объясняем за что.

БАБА ВЕРА: Вы... Мне лекарство нужно... Я... Плохо мне...

Она оседает на пол.

ТЕРЕЩИК: Вот, ё! На руках её теперь тащить, что ли? (Склоняется.) Виктор Палыч, похоже, она того.

ТРОСТИНКИН: Что?

ТЕРЕЩИК: Не дышит!

ТРОСТИНКИН: Делай что-нибудь! У вас курсы были специальные – зря, что ли? Откачивай, в рот ей дуй!

ТЕРЕЩИК: Виктор Палыч, не смогу! Она старая же, как я ей в рот... Меня стошнит!

ТРОСТИНКИН: Отойди, дурак!

Делает Бабе Вере искусственное дыхание – не очень умело, но старательно. Тщетно. Садится рядом, вытирает потный лоб.

ТЕРЕЩИК: Не получилось?

ТРОСТИНКИН: Скорую вызывай!

ТЕРЕЩИК: Если она уже это, то надо не скорую, а...

ТРОСТИНКИН: Звони, я сказал!

Терещик выхватывает телефон.

ТЕРЕЩИК: Скорая? Лейтенант Терещик, УВД, тут у нас старая женщина, похоже, при смерти или уже... Вы там скажите, чтобы приготовились зафиксировать.

Пролётная, двадцать, двадцать, квартира...
(Вопросительно смотрит на Тростинкина.)

ТРОСТИНКИН: Двенадцать... Или двадцать два... На двери номер!

Терещик выходит. Тростинкин отряхивает брюки на коленях.

ТЕРЕЩИК: Ну что, добилась своего? Но на этом всё, ясно? Тебя нет, и колдовства твоего нет. Никто больше не умрёт. Не позволю!

Затемнение.

5.

На сцене появляется Сандра. Очень пьяная.

САНДРА: Виктор, ты где? Приезжай, пожалуйста. Мне так плохо! Мне ужасно. Я не думала, что я буду так о нём... Так его... Я всё чаще его вспоминаю. И снится каждую ночь. Тебе твоя жена снится? Витя, мне его пистолет вернули. Лебедев этот. Говорит, это имущество больше у себя держать не можем, это теперь не вещдок, дело закрыто. Надеюсь, говорит, вы с ним поступите правильно. Вот это что он имел в виду? Намекал? Главное, сам даёт, а у самого улыбочка такая подлая. Но знаешь, Витя, что интересно? Я стала допускать эту мысль. Нет, я никогда и ни за что... Но мысль – допускаю. Понимаешь? И всё больше допускаю.

Уходит. Появляется Тростинкин. Трезвый и в форме.

ТРОСТИНКИН: Ты где сейчас? Успокойся и жди меня, я уже еду!

Появляется Майя. Говорит официально.

МАЙЯ: Виктор Павлович, из областного УВД звонили. Говорят, ваши телефоны не отвечают.

ТРОСТИНКИН: Просто занято было. Чего хотели?

МАЙЯ. Сказали, что самоубийство Куприянова квалифицируется как несчастный случай.

ТРОСТИНКИН: Это как?

МАЙЯ: Решил пистолет почистить, случайно нажал.

ТРОСТИНКИН: Они, значит, оттуда, за двести километров, лучше видят, что было? Ладно, потом.

Уходит, возвращается, окликает уходящую Майю.

ТРОСТИНКИН: Постой! А чем их самоубийство не устраивает?

МАЙЯ: Разве непонятно? Самоубийство подозрительно – как, почему, из-за чего. Комиссию могут прислать из министерства. А несчастный случай с любым может произойти.

ТРОСТИНКИН: Ну да. Да, конечно.

Уходит, возвращается.

ТРОСТИНКИН: То есть других вариантов они уже не рассматривают?

МАЙЯ: А зачем? Кстати, Виктор Павлович, я вам кое-что сказала... Погорячилась. Заменю эту тему, хорошо?

ТРОСТИНКИН: Нет проблем.

Уходит, возвращается.

ТРОСТИНКИН: Не понял! То есть уже замуж не хочешь за меня?

МАЙЯ: Но вы же против?

ТРОСТИНКИН: Ну да. Ясно.

Уходит, возвращается.

ТРОСТИНКИН: Майя, постой!
(*Походит, берёт за плечи.*) Ты не думай, ты хорошая. Ты мне много счастья принесла, спасибо.

МАЙЯ: Опять стихами говоришь?

ТРОСТИНКИН: Разве?

МАЙЯ: В смысле – красиво.

ТРОСТИНКИН: Мы ещё обсудим всё, ладно? Хорошо?

МАЙЯ: Как скажешь.

Тростинкин уходит. Майя некоторое время ждёт, не вернётся ли он опять. Не дождавшись, уходит.

6.

Тростинкин в доме покойного Куприянова. Что-то ищет. Входит Сандра.

ТРОСТИНКИН: Где пистолет?

САНДРА: И меня убить хочешь?

ТРОСТИНКИН: Где пистолет?!

САНДРА: Ты как вошёл?

ТРОСТИНКИН: У тебя нараспашку всё. Отдай пистолет, Сандра.

САНДРА: Говорят, баба Вера умерла. Будто бы ты её схватил, засадил, пытал, она не выдержала и...

ТРОСТИНКИН: Кто говорит?

САНДРА: Татьяна, например.

ТРОСТИНКИН: Какая Татьяна?

САНДРА: Подруга. Она говорит, весь город говорит.

ТРОСТИНКИН: Брешут. Да, я там был, у неё, но она сама. Сердечный приступ.

САНДРА: Не скромничай. Ты из-за меня, да? Отомстил? Может, ты и Сергея из-за меня? Из-за любви? Чтобы я ему не досталась?

ТРОСТИНКИН: Ты сколько выпила? И никто никого не убивал. Это даже не самоубийство, несчастный случай. Хотел почистить пистолет, нечаянно выстрелил.

Тростинкин идёт в другую комнату. Возвращается с сумочкой Сандры, на ходу доставая из него пистолет.

ТРОСТИНКИН: Беру на время, потом отдам.

Сандра берёт бутылку, наливает в стакан вино. Тростинкин подходит, отбирает бутылку, выплёскивает вино.

САНДРА: Ты чего? Я в порядке! Могу по половине пройти. Только половиц тут нет. Ладно. Я по во... по воображаемой.

Идёт, балансируя руками. Чуть не падает, при этом рука хлопает по карману, что-то там нащупывает.

САНДРА: Сейчас будет фокус!

Достает из карманов два телефона. Нажимает на экран одного, звонит второй. Она берёт первый, слушает, а второй всё звонит. Наконец умолкает.

САНДРА: Телефон абонента не отвечает или находится вне зоны действия сети.

ТРОСТИНКИН: Это его?

САНДРА: Да. Вернули, я на зарядку почему-то поставила. И звоню ему. А он не отвечает. (*Тростинкину.*) Ты жены телефон отключил?

Тростинкин не отвечает.

САНДРА: И я не отключаю. Отключишь – и совсем нет человека.

ТРОСТИНКИН: Его и нет.

САНДРА: Как сказать! Может, в нём (*показывая на телефон*) его душа. Он же туда говорил... Дышал. И она там как-то. Застряла. Я его боюсь. (*Кладёт телефон на стол.*) На него звонить некому, а я боюсь – вдруг он сам? На свой телефон.

ТРОСТИНКИН: Откуда?

САНДРА: Не знаю.

Они смотрят на телефон. Довольно долго. И вдруг он звонит.

САНДРА: Виктор, ответь! Пожалуйста!

Тростинкин идёт к столу, берёт телефон, слушает.

ТРОСТИНКИН. Стойте, я не понял, это автомат или вы живая? Извините, очень приятно. Вы разве не знали разве, что он умер? Телефон его, а говорю я. Его товарищ. Жена? (*Смотрит на Сандру.*)

Сандра отрицательно крутит головой и машет руками.

Нет, она не может. Да, звоните, до свидания. (*Кладёт трубку.*) Какая-то задолженность по какому-то кредиту.

САНДРА: На машину, наверно. Витя, а если я его убила? Я ведь за него вышла со зла, на тебя злилась. Потом привыкла как-то. Потом ненавидеть начала. Ну как, не резко, а так как-то... Понемногу, но постоянно. По нарастающей. И вот представь – просыпаюсь, слышу, как он вернулся. Ещё голос чей-то. Прислушалась – твой. Ага, думаю, добавить захотели после банкета. Ладно. По голосу поняла, что он сильно пьяный. Думаю, сейчас он свалится, а ты придёшь ко мне. И начала ждать. И как-то так сильно ждала, что даже удивилась. Прямо вот скулы свело, так хотела. Прямо как в семнадцать лет. А ты не пришёл. И мне так обидно стало.

ТРОСТИНКИН: И что? Пошла и убила?

САНДРА (*грозит пальцем*): Всё тебе скажи! А может, я раньше встала? В щёлочку смотрела? А? Как ты думаешь, что я могла увидеть? (*Резко меняется настроение.*) Мне так плохо! Ты не представляешь!

ТРОСТИНКИН: Врача вызвать? У меня есть один – за пару часов из запоя выводит.

САНДРА: А сам не хочешь вывести? Я согласна!

Льнёт к Тростинкину. Тот обхватывает её, уводит.

Через некоторое время возвращается. Пьёт вино из горлышка.

Затемнение.

7.

Кинотеатр. Идёт какой-то фильм. Экрана не видно, лишь полоса света от проектора. В ней появляется Тростинкин. С пистолетом в руке.

ТРОСТИНКИН:

Светлана, где ты тут? Ты почему

Не отвечаешь? Я звоню весь вечер!

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ: Пап, чего ты? Ты зачем здесь? Не надо, пойдём домой!

Публика свистит, возмущается.

Тростинкин поднимает руку.

ТРОСТИНКИН.

Спокойно! Тихо! Это не грабёж!

Пока, по крайней мере. Вот кино

Закончится, тогда вас будут грабить

В законе установленном порядке,

Как издавна у нас заведено.

И это будет жизнь, а не кино.

Хотя и тут вас грабят – по минутке,

По кадру, по чуть-чуть. Эй, кто там в будке?

Нажми на паузу и заглуши мотор!

Что я хотел... В душе затык. Затор.

Реклама на таком-то, блин, канале,

Как говорят канальные каналы,

Чтоб на минуту вы не забывали,

Где кетчупом и майонезом «Кальве»

Вам смазывают тухлые мозги!

Хотя и так в вас не видать ни зги.

Нет, правда, вот смотрю – не понимаю!

Загадочный народ! Ведь вы Мамаю

И Гитлеру намазали бока!

Где ваша твердь? Где ваши облака?

И почему сидите так покорно

С блаженным видом и ведром попкорна

И с убеждением, что событий суть

Сама осуществится как-нибудь?

Быть или не быть? Да не вопрос, покуда

За вас решает всякая паскуда,

Кроя по крови каравая край!

ГОЛОС: Хорош болтать, мужик!

Кино давай!

ТРОСТИНКИН:

Кино! Нет, чтобы книжку в кои веки

Перелистать. Там весть о человеке

И о судьбе! Кто первым победит –

Неведомо. Вот был такой Эдип.

Он глаз себя лишил и в дальних

странах

Бродил, дурашка, весь в стыде и ранах.

Что знаем мы, что помним мы о нём?

Глаза! Нам ссы туда – мы не моргнём!

Что я хотел... Светлана, наша мама...

СВЕТЛАНА: Не надо, пап!

ТРОСТИНКИН:

Она ждала упрямо,

Пока могла. Устала. И сама...

Нет, я не пьян и не сошёл с ума,

Но тоже притомился. В самом деле –

И жить устал, и смерти надоели.

А очередь без очереди вдруг

Приходит. Я без этой ерундели

Устрою самому себе каюк.

Что я хотел...

(Достаёт телефон.)

Вы знаете, вот в эту

Фигню могу звонить хоть всему свету,

Но не скажу ни здравствуй, ни прости

Той, кто вне зоны действия сети.

А мы, выходит, где? А мы на зоне.

И в телефонном упокойном звоне

Звучит бессильно: мать твою ж ети!

(Смотрит на пистолет.)

Не бойтесь, я не здесь, чтоб не упалось

На вашу совесть тоже.

ТЕРЕЩИК: Виктор Палыч!

Давайте всё обсудим!

ТРОСТИНКИН:

Я и так.

Всё обсудил. Терещик, ты чудак.

Ведь я тебя спасаю, между прочим.

Тебе я как отец. Ну, может, отчим.

И ты меня за это в нужный срок

Убьёшь.

ТЕРЕЩИК: За что?

ТРОСТИНКИН:

Не ты решаешь. Рок.

И я тебя освобожу от рока,

Как школьника от нудного урока.

Ну, ладно. Кто там хмур? Дугою бровь!

(собираясь уйти)

Про что кино хоть было?

ТЕРЕЩИК *(появляясь в полосе света)*:

Про любовь. Там типа на случайности

завязано. Он ей колечко подарил со

стразами, она без памяти,

то есть слегка не в разуме...

ТРОСТИНКИН:

Я понял! Про любовь –

всё этим сказано.

Звонит телефон Тростинкина.

ТЕРЕЩИК:

Ответьте, Виктор Палыч, вам звонят.

ТРОСТИНКИН:

Вне зоны я! И осади назад!

Хитришь, я вижу. Думал, не замечу?

Наивно слишком, Женя.

Звонит телефон Терещика. Он

достаёт телефон, смотрит.

ТЕРЕЩИК: Я отвечу? Это из дежурной части. Наверно, что-то случилось.

Тростинкин кивает.

ТЕРЕЩИК *(по телефону)*: Слушаю.
(Слушает.) А ружьё у него откуда? И чего? Кто там есть? И чего? *(Слушает.)*

ТРОСТИНКИН: Что там? Кто с ружьём? Дай трубку. Дай трубку, сказал!

Терещик подходит, отдаёт телефон. Тростинкин отходит назад и в сторону, делая знак Терещику не приближаться.

ТРОСТИНКИН: Тростинкин, – с кем говорю? И что там у вас? *(Слушает.)* Так. Слушай меня. Ничего не делать! Я сказал – ничего, значит, ничего! Скоро буду. Ему так и скажи: сейчас будет Тростинкин. Он меня помнит. Всё, давай. *(Возвращает телефон Терещику, говоря ему.)* Ты на машине? *(Зрителям.)* Извиняюсь за неудобства. Там, в будке, крути дальше! Про любовь – это хорошо. Это правильно.

И тут сзади, из темноты, выпрыгивает дюжий Полицейский, обхватывает Тростинкина, кричит.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Товарищ капитан, держу!

Терещик бросается к Тростинкину, выхватывает у него пистолет.

ТРОСТИНКИН *(полицейскому, дёргаясь)*: Пусти! Пусти, сволочь! *(Затихает.)* Всё, я успокоился!

Полицейский вопросительно смотрит на Терещика, тот кивает.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ничего не будете, товарищ подполковник?

ТРОСТИНКИН: Сказал же! Сдаюсь, всё. *Полицейский отпускает его. Тростинкин поводит плечами, потирает руку.*

ТРОСТИНКИН: Развели, значит? Никакого дурака с ружьём нет?

ТЕРЕЩИК: Ребятам эзмэску послал, чтобы позвонили, что-нибудь срочное придумали.

ТРОСТИНКИН: Хорошо придумали. Ладно. Пошли отсюда, нечего людей смешить.

Терещик сторонится, зорко наблюдая за Тростинкиным. Полицейский идёт сзади, будто конвоирует. Тростинкин, проходя мимо Терещика, резко бросается на него, сбивает с ног. Они катаются по полу, борются, Тростинкин пытается вырвать свой пистолет.

Выстрел.

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ: Папа!

Оторопь. Тишина. Тростинкин и Терещик лежат неподвижно.

Терещик медленно приподнимается. Смотрит на Тростинкина. Щупает пульс у шеи. Припадает головой к груди. Встаёт. Зачем-то отряхивается.

ТЕРЕЩИК *(Полицейскому)*: Звони в скорую, звони нашим. *(В зал.)* Эй, куда собрались?! Стоять! Никто не расходится! Вы всё видели, будете свидетелями, что он сам.